ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 3-Й СТР.

было исключительно драматичным: гениальные прозрения основоположников так называемого «русского социализма» сочетались с утопизмом, трезвость взгляда на жизнь и историю — с идеализацией крестьянской общины как залога переустройства общества. Признание необходимости революции соседствовало с ложными надеждами на просветительный способ преобразования жизни «критически мыслящими личностями». Не была изжита иллюзия о возможности использовать самодержавие как активную политическую силу для осуществления демократических реформ. Как известно, народовольцы после убийства Александра II обратились не к народу, а к царю с программой общественных преобразований.

Истовая вера в то, что народ есть прирожденный социалист, сменялась разочарованием в его революционности, порождавшим анархическое бунтарство, исполненный внутреннего отчаяния зловещий заговорщицкий волюнтаризм нечаевского толка. В ту эпоху вырабатывались не только взгляды, предварявшие научное мировоззрение рабочего класса, но и формировались идеи откровенно буржуазно-демократического характера, народнические теории «героя и толпы». Вышедшие после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского на авансцену публицисты и теоретики не обладали их политическим и эстетическим кругозором и топтались на месте, безнадежно догматизируя их взгляды, как Антонович, или приходили к плоскому позитивизму и утилитаризму, как Жуковский и особенно Варфоломей Зайцев. После спада революционной волны Писарев возлагал надежды на «мыслящий пролетариат», то есть разночинную интеллигенцию, которой предстояло готовить почву для будущего. Народники различных направлений — лавристы, долгушинцы, чайковцы, испытав крах «хождения в народ», теряя веру в революционность народа, или становились на путь терроризма, или переходили к либерально-легальной деятельности. И только рабочее движение и Ленин вывели российскую общественную мысль из ее трагических тупиков, открыв народу широкий простор для революционного действия.

Духовное развитие зрелого Достоевского неотделимо от духовной атмосферы и поисков эпохи, но решающим для его самоопределения в идейной борьбе тех лет стало отношение к капитализму, в котором Достоевский усматривал угрозу человеку, главный источник общественных бедствий, не приемлемую для России и ее будущего форму жизни.

Достойна удивления и восхищения непререкаемая мощь, с которой осуществлял он свои грандиозные замыслы в зрелую пору творчества. Осаждаемый кредиторами, со здоровьем, подорванным каторгой и ссылкой, почти до конца дней своих гонимый бедностью, поглощенный журналистикой и срочной литературной работой, он создает одно за другим произведения, возвышающиеся, как горная цепь, в мировой литературе. Это был истинный подвиг. «Записки из Мертвого дома» — пронзительно правдивая и человечная книга, ставшая одним из самых суровых обличений порядков царской России; «Преступление и наказание» — сумрачная и величественная драма духовной смуты, ожесточения и страшных заблуждений, отчаяния и надежды; «Идиот» — уникальный в мировом искусстве опыт создания образа истинно прекрасного и духовно совершенного человека; «Бесы» — роман о ложных путях общественной борьбы и опасностях, которые несет с собой анархическое бунтарство, лишенное жизнетворческой идеи и любви к человеку; «Подросток» — исполненная невероятного напряжения картина сопротивления молодой души дьявольским соблазнам капитализма, мнимому всевластию богатства, денег, эгоизма, античеловеческой «ротшильдовской мечте»; и, наконец, сходные первозданной силой и просторностью художественной мысли с древнегреческой трагедией «Братья Карамазовы» — наряду с «Войной и миром» величайшее создание русской литературы.

Каждое из этих произведений — это свой мир страстей, идей, человеческих драм и характеров. С их страниц сошли и навек утвердились в нашем сознании многоразличные образы его героев — и тех, кто несет в себе идеи чистого добра, и тех, кто колеблется между «идеалом Содомским и идеалом Мадонны», и тех, кто является жертвами общественной несправедливости. Сила обобщенной в образах Раскольникова, Сонечки, Свидригайлова, князя Мышкина, Настасьи Филипповны, Ставрогина, Степана Трофимовича Верховенского, мужика Марея, Грушеньки, Смердякова, Ивана и Мити Карамазовых исторической и жизненной правды, масштабы заложенного в них философского содержания таковы, что они при всей своей реалистической конкретности стали олицетворениями, почти символами долговременных и характерных свойств людей собственнического мира. Узловые противоречия и нравственные коллизии его романов, включая «наполеоновскую идею» Родиона Раскольникова, порождены борьбой за деньги, собственностью, капиталом. За сто тысяч покупает Рогожин у «нетерпеливого нищего» Ганечки свое счастье и свое проклятие — Настасью Филипповну, и эти сто тысяч швыряет она в огонь, чтобы обрести постылую свободу; слепящий блеск волота водит, как болотный огонь, заблудившегося путника, Аркадия Долгорукого по безднам страстей и сомнений; вокруг наследства и роковых трех тысяч разыгрывается драма братьев Карамазовых, завершающаяся отцеубийством и гибелью невиновного человека.

Все несчастья и бедствия униженных и оскорбленных в его романах — прямое следствие бесчеловечности буржуазных общественных отношений. Но это, так сказать, объективная историческая почва его этических и философских построений. На общественный процесс Достоевский смотрел как бы двойным зрением: сопоставляя опыт буржуазного Запада и текущий опыт исторического развития России. Он начал сознавать, что Русь двинулась по капиталистическому пути. Для Достоевского капитализм неотделим от разложения, разрушения морального состава личности. Он хорошо знал Западную Европу, где подолгу жил и часто бывал. Как и Герцен — и не без его воздействия, — он полагал, что буржуазная революционность агонизирует, капиталистический прогресс сопровождается чудовищными человеческими затратами и началась длительная полоса кризисного развития буржуазного общества, не способного осуществить идеалы равенства, свободы, цельной личности, единения человечества. Уже в «Зимних заметках о летних впечатлениях» он подверг обозрению и уничтожающей критике фундаментальные черты буржуазной цивилизации и сознания. Вглядываясь в освещенный белесым светом газовых фонарей ночной Лондон — тогдашний мегаполис капиталистического мира, — Достоевский воспринимал увиденное как вершину капиталистического прогресса, символом которого стал для него «кристальный дворец» — стеклянное здание, построенное для Всемирной промышленной выставки. Он разглядел в шевелящемся на улицах и площадях бессонного города людском месиве толпу одиночек, стремящихся в жажде сытости и утраченного единства слиться в некое подобие муравейника, не способных образовать органическое целое из-за полной разобщенности. Он уловил в ночной лондонской толпе отсутствие чувства человеческого братства, сосредоточенность на частном интересе. С презрением говорит он о буржуазной демократии, раскрыв в знаменитой формуле механизм так называемой одинаковой свободы всем делать все что угодно в пределах закона: «Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно». Столь же зорко отметил Достоевский отсутствие у капитализма идеи будущего.

Но еще безжалостнее осудил он буржуазный индивидуализм. Признания «человека из подполья» — озлобленного одиночки, превыше всего ставящего собственное хотение и свою персону, сладострастно копающегося в собственных переживаниях, снедаемого отчаянным скептицизмом и копящего затаенную ядовитую злобу на людей, — предвосхищали многое из того, что буржуазная общественная мысль преподносила как собственное откровение. Ненависть к прогрессу, отношение к сознанию как болезни, взгляд на болезнь как норму жизни, жажда власти и наслаждение от насилия, неверие в человека и его возможность воздвигнуть разумный и счастливый мир — вот кредо «подпольного человека». Его ожесточенные философемы созвучны современным теоретизированиям буржуазных идеологов, пытающихся задушить и сбросить с пьедестала идеи, указующие человечеству путь к свободе и счастью.

Но столкнувшись с пробуждающейся к самосознанию личностью, пытающейся, хоть и робко, заявить о своих человеческих правах и достоинстве, «подпольный человек» терпит полный моральный крах.

Достоевский вступил в бескомпромиссную борьбу с буржуазной общественной мыслью, начавшей активно вырабатывать охранительные взгляды. В области этики он усматривал главную опасность в позитивизме и его ответвлении — утилитаризме, выдвинувшем в качестве критерия истины и нормы человеческого общения принцип пользы. Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль, равно и их многочисленные последователи, пытались придать утилитаризму оттенок человеколюбия, ставя знак равенства между пользой и добром, но на деле эти либеральные английские буржуа возводили в норму социальное неравенство и оправдывали мальтузианство. Позитивисты рассматривали человека как совокупность физиологических и наследственных свойств и пассивный продукт внешней среды. К народным массам и социальной жизни они подходили, руководствуясь дарвиновской теорией борьбы за существование, спокойно взирая на гибель и страдания людей как на естественный закон выживания сильнейших и отмирания слабейших. Социально-дарвинистские взгляды разделял и Бакунин. Ища средства упрочения существующего порядка, многие историки и философы возрождают идею цезаризма. Устами Ницше буржуазия провозгласила относительность и необязательность всех моральных норм, противопоставив им личное право сверхчеловека, находящегося «по ту сторону добра и зла». Одновременно буржуазия начала приспосабливать к своим нуждам и разнообразные социалистические течения. Энгельс имел все основания сказать, что подлинным социализмом в середине века, представлявшим реальную угрозу для капитализма, была лишь теория, изложенная в «Коммунистическом Манифесте», и рабочее движение, на него опирающееся. Что касается других социалистических течений, то, стремясь при помощи разных рецептов и всеисцеляющих средств смягчить общественные бедствия, они не были направлены против устоев капитализма. И Родион Раскольников, деливший человечество на две неравные части — на так называемый «материал» и людей необыкновенных, имеющих неписаное право ради своих целей приносить в жертву любое количество человеческих жизней, убивший старуху-ростовщицу в надежде подтвердить свою теорию, — духовное детище буржуазного разложения. Его взгляды вполне отвечали объективному развитию буржуазного сознания. Раскольников — радикал и убежденный противник социализма — был великим художественным открытием Достоевского. Его образ предварял весьма важное и характерное явление духовной жизни второй половины XIX века и века нашего — возникновение довольно странной и опасной фигуры, бунтаря-консерватора, который носит в душе протест против социальной несправедливости, но из верных предпосылок о несовершенстве мира делает ложные выводы, выдвигая крайне реакционную программу общественных действий. Достоевский безоговорочно осуждает Раскольникова. Но почему он вызывает сострадание? Достоевский показывает, что теория Раскольникова бесчеловечна и тот, кто ее принимает, должен уничтожаться как человек. В Раскольникове человек борется за собственное бытие и в конце концов побеждает, когда Раскольников, сломленный преступлением, не сразу, но отрекается от своей идеи, которой писатель противопоставляет беспредельную доброту и человечность Сонечки. Так возникает у Достоевского тема воскресения человека в человеке, предваряя важнейший мотив толстовского творчества.

Вечная доброта, вечная Сонечка! Кто заступится за людей, влачащих свои дни среди бедности, жестокости, всяческой скверны? Кто облегчит их каждодневные невзгоды, кто протянет им руку помощи и милосердия, как сделать, чтобы на земле не было бессмысленных страданий и унижений человека и он смог бы достойно жить в неуютном мире? Ни одна теория, направленная против истинных нужд и свойств людей, лишенная высшей гуманности, не разрешит этих проклятых вопросов бытия, считал Достоевский. Потому так безнадежен и внутренне мертв окостенелый порядок, воздвигнутый Великим инквизитором, ибо счастье людей невозможно без учета их устремлений и желаний и вопреки им, и его нельзя создать ценой умерщвления в людях свободной воли, достоинства, творческого, деятельного начала, превратив их в скопище послушных и бездумных потребителей житейских благ. С не меньшей убедительностью разрушал Достоевский идею своеволия личности, стоящей «по ту сторону добра и зла», и органические носители злого разрушительного начала в его произведениях — Свидригайлов и особенно Ставрогин — несомненно сильные люди — гибнут, раздавленные собственным себялюбием, одиночеством и душевным холодом — платой за собственную бесчеловечность. Не признавал Достоевский и относительности морали и ее ценностей. Софистическая игра Ивана Карамазова моральными категориями, завершившаяся выводом, что «все позволено» и нет ничего, что могло бы контролировать и сдерживать человеческое хотение, ведет его к полному духовному крушению и делает нравственным соучастником отцеубийства, совершенного Смердяковым, этим олицетворением лакейства мысли и низменности души. Не случайно пророк идеи «сверхчеловека» — Фридрих Ницше вынужден был признаться, что гуманистическое содержание творчества Достоевского «полностью противоречит моим самым потаенным инстинктам».

Против своеволия и аморализма личности, соединенных с извращенной идеей бунта, Достоевский выступил и в романе «Бесы», герои которого, следуя нечаевским догмам, попирают священные принципы революционной этики. Петр Верховенский, этот приверженец анархизма, мрачный и злой циник, говорит: «Ну что в социализме: старые силы разрушил, а новых не внес». Что же этот проженный демагог предлагает взамен? Насилие ради насилия, разрушение ради разрушения. Исходя из тезиса «цель оправдывает средства», он, полный презрения к народу и неверия в его творческие возможности, делает ставку на кучку заговорщиков, не гнушаясь ни шантажом, ни обманом. Таких околореволюционных бесов, как Петр Верховенский, и сейчас хоть пруд пруди среди тех, кто сегодня на Западе и на Востоке крайнюю левизну сделал своим знаменем. Нечаевщина — прообраз событийной стороны романа — была самым мрачным и безотрадным тупиком русского революционного движения. Ее бескомпромиссно осудили Маркс и Энгельс, равно как и русские революционеры. Но поскольку многоплановый роман Достоевского, содержавший жестокую критику либерализма, идеи сверхчеловека, всей российской общественной системы, иных революционных сил, кроме нечаевцев, не включал в поле своего изображения, то он производил двойственное впечатление. Поэтому демократические и народнические круги сочли, что он направлен против них в целом. Но дело гораздо сложнее. Роман писался Достоевским за границей и исследовал не только нечаевщину, но и западноевропейский анархо-бланкизм. Роман «Бесы» являет собой анатомию и критику ультралевацкого экстремизма.

Что касается взглядов, которыми руководствуются герои романа, то Ленин отмечал, что анархизм «...имел возможность в прошлом (70-е годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность как руководящей теории для революционного класса».

Не принимает Достоевский и мысли об изначальной испорченности и неизменности человеческой натуры — излюбленной для буржуазной философии. Он не считал, в отличие от просветителей, что человек есть существо только разумное, которому достаточно разъяснить его высшие интересы или посодействовать в умственном развитии, как в обществе воцарится гармония. Он понимал, что объективные условия бытия создают историческое пространство, в котором могут возобладать как светлые, так и темные стороны человеческой натуры. Служители «идеала Содомского» в его романах — старик Карамазов, тот же Ставрогин, «хищная натура» Версилов и другие — не есть прирожденные злодеи. Как художник, мысливший исторично, Достоевский сознавал, что подобные характеры — плод несправедливой, жестокой жизни, помещичьих привычек и навыков. В «Записках из Мертвого дома» он подчеркивал, что даже закоренелый преступник всегда сознает, что совершает преступление. Иными словами, человек не есть существо нейтральное к морали, он активен — в нем заключена способность различения добра и зла, того, что есть нравственно и что есть безнравственно. Следовательно, человек может изменять и совершенствовать жизнь. Но, блуждая в поисках исторической истины, Достоевский смутно представлял, какой дорогой должно двинуться человеку и обществу. Он хорошо знал, чего он не хочет для людей, но как воплотить в жизнь этический идеал, которому он был верен до конца дней своих, для него было неясно. В своих раздумьях о будущем он разрывался внутренними противоречиями, ибо в душе его шла неустанная борьба между бунтарством, настроениями социального протеста и идеями смирения — прямым следствием его этического идеала. Борьба эта ощутима во всем его позднем творчестве.

Он вел отчаянную полемику с радикалами-позитивистами, главным образом из круга «Русского слова», по вопросам этики, отношения к народу, человеку и искусству. Сейчас можно сказать, что в этой полемике его гуманизм и демократизм проявились с самых лучших своих сторон, ибо суждения отечественных позитивистов о том, что основанием этики является утилитаристский принцип пользы, а человек есть животный организм, изменяющийся исключительно от физических и химических воздействий, их утверждения, что народ тупо, глупо, пассивен и только просвещенные умы движут общество вперед, хотя и делавшиеся от имени свободы и прогресса, не могли не вызвать серьезнейших возражений. Взгляды отечественных позитивистов, несомненно, были шагом назад по сравнению с воззрениями идеологов крестьянской революции — Чернышевского и Добролюбова. Отрицание искусства, бессмысленно-ожесточенные нападки на Лермонтова и Пушкина подтверждали крайнюю узость общих взглядов позитивистов. Заметим, что Достоевскому принадлежит громаднейшая заслуга в утверждении национального и народного значения Пушкина.

Гораздо драматичнее был его спор с тем, что он называл «нынешним социализмом», то есть с социалистическими теориями середины века, какими они представали ему со страниц тогдашних газет и журналов. Он с ужасом улавливал близость этих теорий с ненавистным ему позитивизмом, который для Достоевского всегда был символом буржуазности. С огромной тревогой наблюдал он, как буржуазное общество стремится приспособить социализм к своим потребностям. И для такой тревоги основания имелись. Ленин отмечал, что «Социалисты-м», напр., не раз называли себя и сторонники английского буржуазного либерализма... и сторонники Бисмарка и друзья папы Льва XIII». Да и сами социалистические теории той поры имели различную окраску, начиная от уравнительной, католической, лассальянской, прудонистской и кончая народнической, нечаевско-ткачевской. Многим из них был свойствен дух казарменности, который, чего боялся Достоевский, приведет к возникновению поглощающего личность муравейника, подобного тому, который привиделся ему однажды в ночном Лондоне. Для Достоевского, как и для большинства русских мыслителей и писателей того времени, идеи «реального гуманизма», то есть научного социализма, решительно боровшегося с проникновением буржуазных взглядов и настроений в социалистическое движение, резко критиковавшего подмену истинного коллективизма казарменностью, были неизвестны. Но, несмотря на горячность полемики, Достоевский, как показывает заметка в «Записной тетради» 1875—1876 годов, признавал «Реальность и законность требований коммунизма и социализма и неизбежность европейских потрясений». Грядущая революция и обострение классовых битв пугали его, ибо он думал, что их итогом станет господство буржуазии, и надеялся, что Россию, по его словам, «...минет вихрь разрушительный, кружащийся в Европе». Он видел несколько возможностей избежать подобной опасности. Разделяя весьма живучие иллюзии той эпохи о возможности придать разумность царской власти, он надеялся, что одним из противовесов подобной опасности могло бы стать единство всех классов и сословий России под эгидой авторитарного начала, то есть идеализированной, возведенной в ранг символа царской власти, которой надлежит объединить все сословные интересы, остановить процесс разложения общества, пауперизацию народа и установить в нем равновесие. Как учил старец Зосима в «Братьях Карамазовых», эту миссию государство выполнит лишь на основе евангельского учения. Консервативный и даже реакционный утопизм подобной программы самоочевиден.

Однако несравненно большие надежды возлагал Достоевский на творческую мощь русского народа, на то, что его самобытное историческое развитие не повторит опыт Европы. Всегда, за всеми конфликтами и философскими контроверзами его романов, за их сложным драматизмом, душевными терзаниями и раздумьями героев, как мерило всех мерил, как сила, способная развязывать заблуждения и помогающая человеку пробиться к истине сердца и истине разума, стоит великий наставник, страдалец и жизнетворец — русский народ. Ему поклонялся и перед ним склонялся всю жизнь Достоевский, он был его истинной верой. Одно время он стоял на позициях почвенничества. Но почвенничество ведет к национальной замкнутости, утрате способности к национальной самокритике, взгляду на культуру как единый поток. С годами, размышляя над исторической миссией России, над ее местом и судьбами среди других народов, Достоевский пришел к иным итогам. «Стать настоящим русским, — говорил он в своей удивительной речи «Пушкин», — стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей...» Идеи братства людей и народов — вот что завещал своей речью Достоевский и что стало конечным итогом его раздумий. Как оно осуществится, он не знал.

Но не только одно смирение и кротость видел он в русском народе. Обращаясь в «Дневнике писателя» к интеллигенции и власти, Достоевский говорил: «Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду и мы все в первый раз, может быть, услышим настоящую правду». Достоевский сознавал, что в руках народа — ключи к будущему и он скажет о нем свое веское слово, правду народную, которая изменит мир. Великой силой, способной переменить жизнь, Достоевский считал также добро. Но вместе с тем с исключительной художнической честностью показал он крушение безоружного добра, то есть, по существу, своего этического идеала, столкнувшегося с неумолимой реальностью жизни. Как потрясающе безнадежна судьба князя Мышкина, бедного рыцаря добра, втянутого в неистовое кружение страстей и интересов! Его беззащитная открытость и мудрость сердца оказались слишком слабым заслоном против напора неразумия жизни, и роман завершился финалом высочайшего трагизма, напоминающего финал пушкинских «Цыган».

...И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

Стало привычным говорить о тургеневских женщинах. Но какой стихийной мощью протеста наделены женские образы Достоевского! Все его симпатии на стороне тех героинь, кого гнула и ломала жизнь, кто отстаивал свое право и достоинство, вступая в борьбу с привычками и косными общественными традициями. И когда Аглая советует Настасье Филипповне стать честной и пойти в прачки, насколько выше этой ожесточившейся генеральской дочки гордая и прекрасная женщина, охваченная божественным безумием любви и самоотвержения, гибнущая от своего непокорства, сознающая, что она погибает и нож Рогожина неотвратимо ждет ее. Какой внутренней силой и цельностью обладает Грушенька — безоглядно решившая разделить судьбу несчастного Мити!

Непокорство героинь Достоевского — лишь одно из проявлений духа протеста и бунтарства, вызревавшего в русском обществе, когда в России все перевернулось и находилось в брожении, а тяжесть обветшалых общественных условий становилась невыносимой и началась открытая борьба революционных сил с царским режимом. Все главные герои Достоевского живут в психологической атмосфере предреволюционной поры и внутренне готовы к бунту. Достоевский и сам всю жизнь носил в себе бунт.

Но несмотря на неоднозначность отношения писателя к бунту, Достоевский не исключал начисто человеческой активности, направленной на устранение несправедливости, ибо счастье и свобода человека и человечества были его заветной мечтой и надеждой. В «Братьях Карамазовых» с необычайной мощью художественной диалектики, оттесняя проповедь смирения и личного самосовершенствования старца Зосимы, прорывается идея права человека на бунт.

Для России тех лет вопрос о том, разрешает ли этика, зиждущаяся на гуманистических основаниях, бунтарское или революционное действие, имел жгучее значение. От него зависело решение отдельного человека: принимать ли ему участие в общественной борьбе или нет со всеми вытекающими из этого решения последствиями для него лично. Поначалу вопрос этот решается в романе в границах отвлеченной этики. Иван спрашивает Алешу: согласен ли он ценой страданий невинного ребенка, «на неотомщенных слезках его» основать будущее счастье человечества? И, разумеется, получает отрицательный ответ. Однако парадокс этот обратим и вызывает контрвозражение. Позволительно ли, чтобы немыслимые страдания человечества и грядущие муки ни в чем не повинных, еще не родившихся людей существовали и длились затем, чтобы не пролилась неотомщенная слеза ребенка? И на этот вопрос существует только один, отрицательный ответ. Так, может быть, парадокс этот вообще неразрешим и он есть окончательный ответ Достоевского на неотразимые требования истории, революции и борьбы русских людей за свободу? Но не будем спешить с выводами. Художественная мысль Достоевского диалектична: он показывает, что этот парадокс неразрешим в пределах лишь отвлеченной этики, и взрывает его, вводя в рассуждение самое жизнь. Он спрашивает: почему же льются слезы ребенка, почему возможно страдание людское? Отчего плачет дитё в муке встревоженной совести, в вещем сне вопрошает Митя Карамазов: «...почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они почернели так от черной беды, почему не кормят дитё?» Вопросы эти поставлены Достоевским в духе всей великой русской литературы. Что же остается делать человеку, если несправедливость составляет суть мира? Остается одно: человек обязан и может изменить «лик мира сего», устраняя источники зла, борясь с его служителями, и в призыве к этому заключены объективный смысл и значение творчества Достоевского.

Его художественное наследие — огромное богатство и гордость нашей культуры. Гуманистический и демократический пафос творчества Достоевского, бескомпромиссная критика им капитализма делают его произведения важнейшей частью великой русской литературы. Мы отбрасываем попытки, предпринимавшиеся за рубежом и ранее, и в наше время, истолковать творчество Достоевского как противостоящее ее освободительным устремлениям.

Мы не закрываем глаза на противоречия, терзавшие его душу и отразившиеся в созданиях его художественного гения. Но эти противоречия порождались объективными сложностями общественного развития, трудностями отыскания истины истории.

Достоевский никогда не терял веры в будущее, в способность людей сделать его разумным. «И пребудет всеобщее царство мысли и света, и будет у нас в России, может, скорее, чем где-нибудь», — писал он со страстной убежденностью. Могучим мажорным призывом — не бойтесь жизни! — завершил он «Братьев Карамазовых», вершинное свое создание. И в словах этих — мудрость, ибо, лишь доверяя жизни, любя ее, не страшась ее гроз, пробьется человечество к высшему счастью.

СПУСТЯ ВЕК

Как были расшифрованы записные книжки А. Г. Достоевской

Эти строки были нанесены на бумагу более века назад, в августе — декабре 1867 года, женой Ф. М. Достоевского Анной Григорьевной. (Известно, что она была стенографисткой. Знакомство великого писателя с Анной Григорьевной началось с того, что он продиктовал ей свой роман «Игрок».) Находясь с Федором Михайловичем за границей, она вела там ежедневные записи. Писала регулярно, заполняя страницу за страницей, исписывая одну книжку за другой... Предполагают, что таких дневниковых книжек было не менее восьми, а сохранились только две.

Часть записей Анны Григорьевны была ею расшифрована и отредактирована в конце жизни, вероятно, с целью дальнейшей публикации. Однако это было сделано после ее смерти, только в 1923 году. Вторая из сохранившихся записных книжек А. Г. Достоевской не была расшифрована.

Расшифровать их удалось ленинградской стенографистке Ц. М. Пошеманской.

...Телефонный звонок в Ленинград был для Цецилии Мироновны, видимо, неожиданным:

— Признаться, я уже несколько «отошла» от записных книжек Анны Григорьевны, хотя мне еще предстоит кое-что доделать. В рукописи осталось несколько нерасшифрованных мест и не разобраны отдельные слова...

Анна Григорьевна пользовалась стенографической системой, бытовавшей в России век назад и коренным образом отличающейся от современной. Ц. М. Пошеманской сначала пришлось изучить известную в ту пору систему стенографии Габельсбергера, которой пользовалась Достоевская. И только после этого Ц. М. Пошеманская приступила к работе над записными книжками.

Вот одна из расшифрованных страниц, рассказывающая о первом дне знакомства юной стенографистки с великим писателем:

«...Теперь расскажу про 3 октября прошлого года, день, в который я была удивительно как счастлива. Это был понедельник, день, в который я обыкновенно ходила учиться стенографии... Было 6 часов вечера, когда я пришла в [класс], урок еще не начинался, и я уселась на свое место, приготовившись писать. Вдруг ко мне подошел Ольхин... «Не хотите ли получить стенографическую работу», — сказал он мне... Я согласилась, он вынул из кармана небольшую записку, адрес — Столярный переулок и Малая Мещанская, дом Алонкина, кв. № 13. Спросить Достоевского...

...Дом я скоро нашла... Мы начали разговаривать... Показался он мне очень больным. Каким-то разбитым, убитым, изнеможённым... Он то сидел, то расхаживал по комнате, куря папиросы...

Мы довольно долго разговаривали, я уж несколько досадовала, что мы не принимаемся за дело: наконец, он для пробы попросил меня написать ему что-нибудь, стал мне диктовать что-то из Русского вестника, сказав, чтобы я ему точно потом перевела на обыкновенное письмо. Начал он диктовать ужасно скоро, я тотчас его остановила, сказав, что я так скоро не привыкла писать... Потом он начал сверять и нашел, кажется, два пропуска в предлогах...»

— Цецилии Мироновне Пошеманской принадлежит расшифровка одной из труднейших литературных загадок, — говорит С. В. Житомирская, заведующая отделом рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

Именно так оценили самоотверженную работу ленинградской стенографистки специалисты.

Нужно надеяться, что расшифрованные впервые записные книжки Анны Григорьевны Достоевской скоро будут напечатаны.

Н. МАР